

A movie poster for 'The Red Hood' (Красный галстук). The background is a dramatic, apocalyptic cityscape with tall buildings and a massive fire engulfing the lower parts of the street. In the center, a man in a red cape stands with his back to the viewer, looking towards a tall skyscraper (the Empire State Building) that is partially illuminated from within. The sky is dark and cloudy. The title 'Красный галстук' is written in large, white, bold Cyrillic letters across the upper half of the image. Above the title, the name 'Шамиль Гудулов' is written in a smaller, white font.

Шамиль Гудулов

Красный галстук

Шамиль Гудулов
Красный галстук

«Автор»

2026

Гудулов Ш.

Красный галстук / Ш. Гудулов — «Автор», 2026

История человека, который хотел все изменить. Но болото мирового порядка диктует свои правила. Родной город "горит" изнутри. Но сделать ничего уже нельзя. Даже парню в красном галстуке.

© Гудулов Ш., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Шамиль Гудулов

Красный галстук

Глава

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

●
Первая причина, почему я называю тебя другом, проста как жизнь в этом городе. Мы все — капли в океане, которые думают, что могут изменить прилив. Ты веришь в случайности? В то, что твой след на песке исчезнет так же быстро, как появился? Я видел, как люди строили замки из мокрого цемента — крепче, чем скалы, но их сносило ветром, который не спрашивал, зачем они возводили стены. Такая нелепая случайность и жизнь.

●
Ты слышал, как шелестят листья? Они шепчут: "Двигайся, но не знаешь куда; живи, но не верь в завтра". Твои соседи, твои друзья — все они как тени в подземном переходе. Ты дотрагиваешься до них, а они рассыпаются в пыль. Мы ищем смысл в случайных встречах, как ищем воду в пустыне, где даже беспомощный кактус смеётся над твоей жаждой.

●
Иногда ночью, когда город замирает, я ловлю себя на мысли: а вдруг мы все — актеры в постановке, где нет сценария? Или хуже — зрители, которые думают, что участвуют в спектакле, но просто стоят в темноте, плотая паузу между словами. Ты когда-нибудь чувствовал, как время течёт сквозь пальцы, как песок, который ты всё равно пытаешься сжать?

●
Иди по улице в полдень. Люди вокруг — цифры в графиках, имена в отчетах. Но их глаза... Они такие же пустые, как твои, когда ты стоишь перед зеркалом и не узнаешь себя. Мы — как те муравьи, что ползут по стенам заброшенного дома. Думаем, что строим империю, а на деле — просто тащим крошки в бездну, где даже голод не имеет вкуса.

●
Иди. Пойди на крышу. Посмотри, как люди суеются внизу, как муравьи под дождём. И спроси себя: "А вдруг я — тот самый муравей, что решил, что знает путь?" Но ответа не будет. Ветер унесёт его, как уносит имена тех, кто уже исчез. И мы продолжим бежать, потому что остановиться — значит услышать тишину, в которой даже время замирает.

Гудулов Шамиль

ГЛАВА 1

НАЗЫВАЮ ЭТО СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ

Я — человек-невидимка. Не в буквальном смысле, конечно. Просто если бы я исчез, никто бы не заметил. Никто не оглянулся бы на улице, никто не перезвонил бы, не спросил: «Эй, а где тот парень?» Я как осенний лист — упал, и ладно. Даже если приземлится тебе на голову, ты не обратишь на это никакого внимания. Смахнешь рукой, не более.

Мне было двадцать восемь, когда всё это началось. Не юность, но и незрелость по сути. Возраст, когда ты уже должен что-то менять в жизни, но ещё не знаешь с чего начать. Сквозь

время только приходит осознание, что не можешь просто так взять и свернуть куда-то. Ты уже привязан плотными веревками к работе, дому, обязанностям. Обстоятельства затянули тебя и сковали в себе. И теперь твоя жизнь - это то, что тебя вынужденно окружает. И ты вынужденно это терпишь. На тот момент я проживал в небольшой двухкомнатной квартире, оставшуюся от деда с бабушкой. Две комнаты с кухней, запах старых книг и тишина, которая давит по вечерам. Громкая тишина, которая заставляет думать о неприятных вещах, рефлексировать и думать о жизни. О моей жизни конечно же. О простой но безнадежной скучной.

Мать не могла отпустить меня. Она звонила дважды в день. Утром - когда я шел на работу. И ближе к вечеру - когда я с работы возвращался. Я отвечал односложно: «Да», «Нет», «*Всё нормально*». Если бы признался, что возможно ненавижу свою жизнь, она бы примчалась, поселилась на диване и начала меня *спасать, судорожно пытаюсь найти свою ошибку*. А я не хотел, чтобы меня спасали. Я хотел, чтобы что-то изменилось — но сам не знал, *что именно должно измениться, чтобы я почувствовал себя человеком в полном смысле этого слова*.

Работал я тогда в забегаловке. «*Бургеры & Ко*» — почти старый знакомый “Мак” - желтая вывеска, липкие столы, запах пережаренного масла доносящийся до кассы. Клиенты — вечно злые, еда — как картон со специями, зарплата — юморная. А ещё Толик.

Толик был администратором. Сорок три года, лысина, жёлтые зубы и вечное его - «*Ты что, тупой?*» Он ненавидел всех, но меня он ненавидел — как-то по особенному. Может, потому, что я не боялся смотреть ему в глаза. Или потому, что иногда улыбался, когда он бессмысленно орал на всех, пытаюсь поднять с пола свою самооценку молчаливой реакцией окружающих.

Однажды, пока жарились котлеты, я представил, как бью его. Не просто так, а *правильно* — сначала удар в солнечное сплетение, потом в челюсть. Представил как он падает, хватается воздух ртом, как рыба в тесном аквариуме. Как я срываю с себя фартук, бросаю его на пол и ухожу. Ухожу навсегда. Это бы доказало, что я имею волю и в конце концов уважаю себя как личность и считаю что заслуживаю большего.

Но я не ушёл. Ни вчера, ни сегодня и даже не завтра. Так и остался работать на кухне. Засунув себе свою гордость поглубже и душу.

Потому что знал — завтра будет то же самое. Тот же Толик, те же бургеры, та же жизнь. Стабильность. А это именно то, что я ищу. Все парни моего возраста мечтают о стабильности. Ведь так?

А ещё потому, что в глубине души я боялся: а вдруг за дверью в которую я хочу выйти — *ничего?* Ни работы, ни денег, ни будущего. Просто пустота. И я не такой и особенный, каким я себя всегда представлял.

И тогда я сказал себе: кошмар — это не ад вокруг, что пытается тебя сломить. Кошмар - когда твой потолок, это ты сам. Когда твой масштаб личности такой низкий, как балкон второго этажа. С которого и вида красивого нет. И не убьешься если случайно выпал. Или не совсем случайно. И это самое мерзкое.

ОБЩЕСТВО СВОБОДНЫХ РАБОВ

Было утро - двадцать седьмое сентября. Небо над городом казалось тяжелым, как старое одеяло, пропитанное протухшей водой. Мрачное и неудобное небо. Дождь моросил без конца. От этого люди на улицах двигались быстро, будто боялись остановиться хоть на секунду — их зонты качались, как чёрные паруса на ветру. Водители на дорогах включали режим осторожности. И только и делали что сигналили друг другу. Всё вокруг было серым, будто кто-то специально смыл все цвета. Настроение - Лондон. Эта фраза когда-то была услышана мною из какой-то передачи по радио. Сейчас она была как нельзя - кстати. Хотя я по правде и не был никогда в Лондоне. Но думаю обстановка там примерно такая же.

В этот день я сидел дома и смотрел в окно. Мне хотелось куда-то уйти из своей бетонной коробки, найти место, где можно спрятаться от этой пустоты, которая давила со всех сторон. А может и вовсе шла из меня. Но всегда проще сказать, чем сделать. Быть может было просто лень. Я накинул свою белую осеннюю куртку и вышел на улицу. В голове крутилась уже успевшая стать банальной - мысль: Если чашка кофе с утра может изменить день. Почему она не способна изменить всю жизнь? Эти чудаковатые размышления были для меня спасательным кругом в море безумия, серости и прагматичной человеческой взаимовыгоды. Я так думал всегда когда мне становилось тяжело, если по правде. Надежда умирает последней, так ведь?

Я шел и перепрыгивал через плитки на тротуаре как в детстве. Наступая только на нечетные числа. Один, три, пять. И так далее.

Но чем дальше я шел, тем сильнее становился дождь. Куртка уже не спасала, и я чувствовал, как холод просачивается сквозь ткань. Как он проводил своими мертвецки холодными пальцами по моим ребрам. А капли воды доставали до моей кожи и приносили жуткий дискомфорт. Город был таким же серым, безнадежным и злым, как часто в это время года. Иногда мне казалось, что я сам стал частью этого серого мира: работа, которую я терпеть не мог, друзья, которых не всегда понимал, жизнь, которая словно принадлежала кому-то другому. А я просто одолжил у кого-то тело и живу в нем временно. Но другой жизни у меня не было. И это было довольно обидно.

Через несколько кварталов этой бессмысленной ходьбы я увидел кофейню. Которую раньше почему-то не замечал. Хоть на этой улице проходил довольно часто. Она горела ярким теплым светом. Будто уютное окно в темном лесу. Я не мог пройти мимо. На вывеске было написано: «Одно место». Смешное и ироничное название. Я улыбнулся внутри, представляя, как люди говорят: «Давай сходим в одно место». Думаю на то и был маркетинговый, хитрый расчет. Кофе я особо и не хотел, но сейчас этот вариант казался лучше, чем стоять под дождём и промокать до нитки. А потом простыть и пропускать смены. Которые я пропускать не могу. Так как мой сменщик уже заболел раньше меня.

Внутри было практически безлюдно. Старая музыка лилась из колонок — что-то в стиле Роя Орбисона. Когда довольно сладкоголосый певец магически растягивает слова в песне. Да так, будто они и должны точно так же звучать в самых обычных фразах. Я сел за столик в углу и стал ждать. Через несколько минут появилась официантка. Её руки были мокрыми, а лицо выдавало усталость. Она, видимо, тоже попала под дождь как и я. Или мыла посуду вместо заболевшего не вовремя бармена.

— Здравствуйте, — сказала она, даже не глядя на меня. — Что будете заказывать?

— Здравствуйте, Американо пожалуйста. — ответил я довольно кратко. Лишь бы она поскорее ушла.

Она так же неловко развернулась и будто растворилась в пространстве. Я все разглядывал интерьер этого странного заведения. Всё здесь было сделано в стиле «ретро»: лампы с желтоватым светом, провода, свернутые в причудливые косы. Кто-то явно старался создать уют, но что-то всё равно казалось неестественным. Будто тебя пытаются обмануть. А ты все равно и сам хотел, чтобы тебя обманули. В углу зала сидела симпатичная девушка где-то моих лет. Одета в полосатое летнее платье. Руки ее лежали на столе. Темные, длинные волосы спускались с ее плеч. А взгляд был немного как мне показалось - беспокойный.

Через минуту в кафе вошёл парень возможно мой ровесник. А может был чуть старше. Он был в сером пальто и белых кедах. Его лицо ничего не выражало. Он будто отсутствовал. Я приветливо кивнул ему когда наши взгляды странно пересеклись, но он даже будто и не заметил. Просто сел недалеко от этой девушки. Прямо у окна. И бессмысленно уставился в окно. Так, как будто ждал чего-то. Как все мы ждем. Будто что-то должно случиться.

Незаметно, так же как и ушла - вернулась девушка с чашкой кофе на блюдце и опять растворилась в тишине зала, напоследок обронив свое наверное фирменное “Приятного вам”. Я сделал глоток и почувствовал горечь, которая медленно растекалась по языку, оставляя неоднозначное ощущение. Вкус был странным, но приятным. Я пытался понять где я раньше встречал такое же кофе. Буквально тот же самый вкус. Потом перебив мои мысли в кафе вошла девушка. Одета во все черное. Черное платье, поверх него черная куртка. А на запястье висела черная небольшая сумочка. Она подошла к парню у окна и начала что-то быстро говорить. Они оба время от времени поглядывали на меня. Меня это если честно начало немного смущать. Я допил кофе, оставил деньги на столе и вышел. От их взглядов мне в действительности стало не по себе. Хотя я где-то в глубине души и сам хотел, чтобы они обращали на меня внимание. А не просто отвлеченно сидели в сторонке.

На улице я увидел прайс: Американско стоило двести рублей. Я заплатил только сто пятьдесят. Мне стало неловко, но возвращаться не стал. Это бы значило не то, что я ошибся. А то, что хотел обмануть но одумался. Какие же странные мысли посещали мою голову. И я просто пошел домой. Ведь скорее всего я никогда больше и не попаду в это место. И смысла мне отстаивать свое честное имя - нет. Да и не слишком ли много значения я придаю этой мелочи.

Дома я взял книгу Франца Кафки — «Процесс». Она была такой же тяжелой, как этот день. Каждая страница погрузила меня глубже в невероятно тошнотный мир главного героя, где всё было запутано и опасно. Я читал и чувствовал, как напряжение нарастает. Хоть вроде все и было в целом нормально. Но автор явно вложил в текст некий “иной смысл”. И это четко прослеживалось.

Внезапно кто-то постучал в дверь. Тихо, едва слышно. Я отбросил книгу на край кровати и пошел к двери буквально на цыпочках. Посмотрел в глазок, но никого не увидел. Подумав, что скорее всего мне показалось. Вернулся к чтению.

Вечером я сварил себе пельмени. Ел мало, как всегда. А если учитывать мой ужасный аппетит, который не перебороли мать с бабушкой. Хоть и очень пытались. После - я снова услышал этот стук. На этот раз он был громче. Я открыл дверь — и увидел того самого парня из кафе. Его серые глаза будто смотрели сквозь меня. Он с интересом осматривал комнату позади меня. После чего - он вошел, не дожидаясь приглашения.

-
Ты живешь здесь? — спросил он. — Уютно.

-
Кто ты? — спросил я.

-
Меня зовут Вад. Редкое имя, я в курсе. Но ты его быстро запомнишь. Там всего то - три буквы. Смотри - Мы с тобой не знакомы. Формально я тебя не знаю. Но в то же время - знаю я тебя лучше всех твоих друзей вместе взятых. Я знал твоих бабушку с дедушкой. Знаю твою маму. Знаю всех с кем ты общался. Звучит стремно, знаю. Не хочу быть непрошенным гостем там, где мне не рады. Ты или поверишь мне сейчас или я уйду туда где был.

Я не знал, что сказать. Он говорил так, будто действительно знал обо мне многое. Но более всего меня поразило то, как он произнёс эти слова: спокойно, уверенно, будто он каждый день так заявлялся к людям. Как будто это была его работа. Как будто есть такая профессия - врываться к людям и удивлять их. Он или шпион или хороший актер. В любом случае это было чем-то новым. Ранее ни шпионы, ни актеры ко мне в квартиру не заявлялись. Даже курьеры стучались в мою дверь без особого энтузиазма.

-

Я расскажу тебе одну вещь. И если ты готов плюнуть на то, что у тебя есть и пойти туда, где тебе по моему личному мнению не место. Я так думаю, но это может оказаться неправдой. Но я практически в этом уверен.

-

Что же? — спросил я.

-

Это неважно. Главное — ты готов потерять свою дерьмовую работу?

-

...

-

Я так и знал. Конечно же ты готов. Никто не станет держаться за такую работу. Заеду за тобой на днях если ты действительно готов и я тебя правильно понял.

-

Почему на днях? Я готов ехать и сейчас. Только кому я нужен, не поделишься?

-

Не мне уж точно. Я в тебе потенциала не вижу, пойми. Первый разряд по боксу? Кандидат в мастера по шахматам? Да таких людишек как ты, сотни, тысячи. Но раз тебя считает избранным мой начальник. А его я послушаться не могу при всем моем большом желании. Он сказал что ты согласишься. А я - что струсил и запаникуешь.

-

А кто он, этот твой “начальник”?

-

Это человек, который, добился невероятного успеха. Он мечтает о мире во всём мире. О настоящей утопии. Безумная затея, конечно, если спросишь меня. Но он моего мнения не спрашивает... этот мужчина — очень достойный человек. Известный, правда, только в определённых кругах. Это не какой-то обычный политик, которых крутят в телевизоре. Он в телевизор не полезет. Телевизор не вместит в себя весь масштаб его личности.

Я попытался переварить эти слова, чувствуя, как между строк кроется что-то большее, чем Вад хотел показать. А может он слишком все утрировал.

-

Так мне собирать вещи? Или... что делать?

-

Вад вздохнул, будто мой вопрос был настолько очевидным, что даже не заслуживал ответа.

-

— Нет, ничего собирать не нужно. Не суетись, расслабься. Когда придет время ехать, я дам знать. Но не сегодня точно. Сегодня слишком мрачно. Сегодня я ничего не хочу делать.

Он произнёс это так, словно погода за окном решала все: судьбы людей, ход событий, исход переговоров. Затем зевнул, коротко кивнул и вышел из квартиры, оставив меня стоять посреди комнаты. Дверь закрылась с тихим щелчком, а я всё ещё слышал эхо его шагов в коридоре. Мысли завертелись в голове, но они были беспорядочными. Вопросы множились, а ответов не было. Тот, кто мог бы их дать, просто не удосужился объяснить чего-либо толком. Скорее всего, у него не было никаких важных дел. Просто он плыл по течению, довольный своей жизнью. Хорошая у него работа, подумал я. Не то что у меня.

- Вад не появлялся ровно неделю. На выходных я съездил к маме, а когда вернулся домой и встретил соседку на лестничной площадке. Она рассказала, что ко мне ломился какой-то парень.

-

— Я спросила, что ему передать, когда ты появишься, — улыбнулась она, явно находя всю ситуацию забавной. — Он сказал, что ищет бабушку из шестого подъезда. Но когда узнал, что это не тот дом, сразу ушёл. Даже немного обиделся, представляешь? Любит он видать свою бабу. Как ты свою любил. Царствие ей небесное. Какой был человек. Господь так и забирает лучших из нас, сынок. Оставляя подлецов, чтобы те могли исправиться.

-

Я понял, что это был тот самый “Вад”. Меня охватило странное чувство: смесь раздражения и лёгкого сожаления, что мы снова не встретились. Я поблагодарил соседку и поднялся к себе. Она еще что-то причитала о том, какой была моя покойная бабуля. Но слушать ее у меня не было никакого желания. И даже не потому что я слышал эти разговоры десятки раз за последние несколько лет.

-

Вернувшись к себе, сначала я просто сидел на диване, глядя в окно. Потом взял книгу, чтобы отвлечься и стараться не думать о происходящем. В книге - главный герой отправился в канцелярию, чтобы узнать в чём его обвиняют. Но там он застрял в бесконечных очередях и переходах из одного кабинета в другой. В конце концов, он просто ушёл, так и не разобравшись ни в своем обвинении, ни в том, чем ему это грозит. Все вокруг уверяли его, что всё будет хорошо, что проблема лишь в недоразумении, но напряжение внутри него только нарастало.

-

Читая, я чувствовал, как напряжение из книги перетекает в мою собственную жизнь. Внезапно раздался стук в дверь.

-

Это был Вад. Как только он вошел, не здороваясь, остановился посередине комнаты, огляделся и произнёс:

-

Тебе уже сказали, что я приходил, да?

-

Да, соседка рассказала. Я так и понял, что это был ты.

-

Ага, — кивнул он, словно это что-то объясняло. — Она мне не поверила. слишком бдительная тетка. Слишком настороженная. Поехали, раз ты меня ждал.

Он увидел мой рюкзак на диване. И снова, без лишних слов, он ждал, что я последую за ним.

-

Поехали? — переспросил я, чувствуя, как внутри всё сжалось. — Куда?

Вад молча направился к выходу. Я закинул рюкзак на плечо и последовал за ним. На лестничной клетке пахло сыростью и свежей краской. Он не оборачивался, пока мы спускались вниз. За окном уже темнело, и фонари едва освещали двор тусклым светом. Мы вышли на улицу, где стояла строгая черная машина, похожая на те, что можно увидеть в фильмах про шпионов 90-х годов.

-

Садись, — громко сказал Вад, открывая дверцу со стороны пассажира.

-

Я послушался, хотя во мне боролись любопытство и страх. Машина завелась раскатистым бодрым звуком, и мы тронулись в путь. Дождь снова заморосил, создавая на стекле причудливые узоры.

-

Так куда мы едем? — спросил я после нескольких минут молчания.

-

Узнаешь, когда приедем, — ответил Вад, не отрывая глаз от дороги.

Я попытался успокоиться, но меня все не отпускало. Город оставался таким же серым и безжизненным, как всегда. Мы проехали несколько знакомых мест, но затем свернули на окраину, где я почти никогда раньше не бывал. Здесь дома выглядели ещё более заброшенными, а улицы были почти пустынными.

Наконец, машина остановилась перед старым складским помещением. Оно казалось заброшенным: ржавые ворота, разбитые окна, покосившиеся стены. Вад вышел из машины и жестом пригласил меня следовать за ним.

-

Ты уверен, что это безопасно? — спросил я, оглядываясь по сторонам.

-

— Абсолютно, — ответил он, хотя его лицо не выражало уверенности.

Мы вошли внутрь через маленькую дверь. Внутри было темно и холодно. Вад достал фонарик и осветил пространство. Мы оказались в большом зале, заполненном старыми ящиками и мебелью. В воздухе витала пыль, и каждый шаг отзывался эхом.

-

— Зачем мы здесь? — спросил я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

-

— Это место... особенное, — ответил Вад, медленно продвигаясь вперёд. — Здесь ты должен встретиться с человеком, о котором я говорил.

-

С этим твоим начальником? — уточнил я.

-

Да, — кивнул Вад. — Именно он решает - Что, когда и где.

Мы подошли к старому столу, за которым сидел человек. Его лицо было скрыто в тени, но я чувствовал его пристальный взгляд.

-

Присаживайся, — произнес он низким голосом. Можешь звать меня Михаилом. Просто по имени. Без отчества. Так меня знают окружающие. Да и враги тоже.

Я сел напротив него и ощутил достаточно спокойную энергию. От моего нового знакомого буквально пахло уверенностью. Человек медленно поднялся, и свет фонаря упал на его лицо. Это был мужчина средних лет с пронизательными глазами и уверенной осанкой.

-

Сэмюэл. Я долго наблюдал за тобой, — начал он. — И считаю, что ты можешь быть полезен нашему делу. Мы выбрали тебя не случайно.

-

Какому делу? — спросил я, стараясь сохранять спокойствие.

-

Мы уже давно строим новый мир, — ответил он. — Мир, где все будут равны и счастливы. Где каждый будет получать то, чего заслуживает. Хорошие люди вроде тебя и твоей матери будут богатеть. А злые люди типа сам знаешь кого - будут бедны или сидеть в тюрьме, где им и место. Но для этого нужны люди, готовые принести жертвы. Готовые отдать свое время, нервы и жизнь. Мы делаем все, чтобы достичь своей цели. Надо признать это не просто. Но мы стараемся все вместе.

-

Жертвы? — переспросил я, чувствуя, как начинаю сомневаться в своей решительности.

-

Да, — кивнул он. — Жертвы ради общего блага. Ты готов к этому?

Я молчал, пытаюсь осмыслить услышанное. Этот разговор казался сценой из какого-то абсурдного сна. Но реальность была слишком осязаемой. Я четко понимал, что происходящее вовсе не сон.

-

— Подумай, — добавил мужчина. — У тебя есть время чтобы передумать. Если нет... ты просто вернешься к своей прежней жизни. Ничего не теряешь в любом случае. Ты нас не знаешь. И мы тебя забудем. Все вновь пойдет своим чередом.

Он встал и вместе с Вадом вышел из помещения, оставив меня одного. Я сидел в темноте, обдумывая слова этого загадочного человека. Что делать дальше, я не знал. Но одно было ясно: моя жизнь больше не будет прежней. Они остановились напоследок и обернулись. Вад посмотрел мне в глаза. Михаил улыбнулся и ушел.

Через минут пять в комнату вернулся Вад. Я стоял там же где и был.

-

Мы придумаем где тебе лучше жить.

-

Какие варианты?

-

Да много вариантов. Но надо, чтобы было ближе к офису. Отвезу тебя домой на несколько дней. Будешь готов?

-

Да я родился готовым.

-

Даже так? Хорошо. Поедем, у меня еще есть пару дел в городе. Можешь оставить рюкзак в машине если хочешь.

Мы сели в черный Ауди и поехали домой. Вад высадил меня у моего двора. Я вернулся уже не в свой, а в какой-то чужой двор. Такие родные машины моих соседей, раньше я казалось знал каждую. Родная уже скамья, на которой с утра сидят старушки-соседки. Сейчас мне не хотелось на нее садиться. Все разом стало чужим. Это как встречаться с подругой, с которой решил расстаться. Мыслями ты уже ее отпускаешь. И время проведенное с ней, дико напрягает. Так я и вернулся в свою прежнюю жизнь. Не надолго, но как будто у меня подарили мечту и отобрали ее назад.

Вад приехал только через две недели. В то время, как я уже решил что он наверное не приедет туже. И это был какой-то сон или розыгрыш. Может меня с кем-то неудачно перепутали. И теперь свою роль занял другой парень. Но вот он стоит у порога моей квартиры. В своем сером пальто. С таким же хмурым видом. Ждет пока я соберусь.

Я начал искать свой рюкзак, но быстро вспомнил что он остался у Вада в машине. Пройдя несколько десятков метров, сели в старый черный Ауди.

"Музыку включишь?"

Он помотал головой.

-

Неа. Говно это все.

-

Что?

-

То, что сейчас поют. Дерьмо все это. Только по разному оформленное.

-

Тогда можно послушать то, что пели раньше.

-

Слушай, я хочу чтобы ты правильно меня понял. Я не люблю музыку. Мы все ее не любим. Она отвлекает от мыслей. Засоряет мозг. Обманывает тебя хуже чем женщины. Доходчиво же, да?

-

Я тебя понял. Значит никакой музыки, поедem в тишине.

Мы ехали около сорока минут. За окном проплывал родной для меня город. Дома, заведения, перекрестки. Мы безмолвно оставляли позади километр за километром и направлялись в неизвестность. Сквозь пробки мы пробивались как ловкая рыба плывущая по течению горной реки. Когда мы приехали к большому белому особняку, уже стемнело. Вокруг был идеальный порядок: подстриженный газон, чистые дорожки. У дома стояли большие внедорожники Кадиллак, Тойота и громадный мотоцикл Харлей. Немного дальше в углу участка - пруд с беседкой. Я ожидал что-то подобное разумеется. Но чтобы с таким размахом. В голове возник вопрос: За что? Чем я это заслужил? Но я молчал и старался держаться без эмоций настолько, насколько это было возможно.

Вад постучал в большую белую дверь, но никто не ответил. Мы вошли - так как дверь была открыта. Внутри пахло деревом, свежей краской и чем-то вкусным. В центре огромного зала стоял черный диван. Я сразу заметил камин, рояль и картины на стенах. На них были какие-то седые мужчины. Никого из них сказать по правде - я не знал. То ли это были ученые, то ли открыватели.

Сверху послышался голос:

"Вад? Вы уже приехали? Сейчас спущусь. Налейте пока себе чего-нибудь выпить. На кухне все есть."

Я посмотрел на Вада. Он сделал неодобрительный взгляд.

-

Не обязательно. Такие вещи гостям обычно предлагают для приличия.

По лестнице спустился уже знакомый высокий мужчина в бордовом халате. Он поздоровался со мной за руку, внимательно осмотрел, кивнул Ваду.

-

Приветствую, Сэм. Рад что ты решился. Тебе было жаль бросать работу?

-

Немного и жаль если по правде.

"А... - он задумался - Зря. Очень зря. Там люди теряют себя. Становятся частью системы. Знаешь, что такое "команда"? Это красивое слово для "стада". Тебя просто используют, платят за час твоей жизни..." Эдакая - "Тонкая философия"

Мы прошли на кухню. Михаил заварил кофе в большом, на вид даже промышленном кофейном аппарате.

"Твой отец любил философию," - сказал он, когда мы сели, - "Я знал его очень долго. Очень хороший был человек. Мы часто разговаривали о жизни, искусстве, будущем..."

Я слушал, притаив дыхание. Он говорил красиво, размахивая длинными пальцами. Насколько же убедительно и искренне он говорил о моем отце. Даже мама никогда его так не описывала.

-

Будешь кофе? Ты же его пьешь, да?

-

Конечно. Спасибо.

Мы выпили по чашке кофе под упоительный диалог. Потом Михаил позвонил своим людям. Во дворе скоро послышались звуки подъезжающих автомобилей. Он попрощался и поднялся наверх. Через минут десять вернулся уже одетый в строгий пиджак. На ногах у него были блестящие черные туфли. Он с доброй улыбкой еще раз пожал мне руку и уехал. После - Вад провел меня по дому, показал спальню, спортзал. Даже кинотеатр был на первом этаже, рядом с библиотекой. Запах краски все еще ощущался. Будто ремонт в доме завершился буквально вчера. Потом он пожелал мне терпения и уехал. Я остался в доме один. Еще раз прошелся по комнатам. Немного поел дойдя до кухни, выпил еще чашку кофе, раздумывая о том что происходит вокруг. Прочитал первую попавшуюся на столе книгу. Так я и уснул в гостиной. В глупой позе. С книгой на груди.

НОВЫЙ Я

Я проснулся от яркого света и громкой тишины. В доме было так тихо, что слышно было только тиканье больших часов стоящих у входной двери. Я лежал на диване и пытался осознать все происходящее вокруг. В голове крутились десятки вопросов без ответов. Мне нужно было время чтобы убедить свой разум в реальность происходящего.

Внезапно издали послышался звук подъезжающей машины. Тяжелая дверь открылась, и в комнату вошел Вад. Он протянул мне рюкзак, высыпал на кровать книги — их было около пятнадцати.

— Михаила пока не будет. Ты должен читать. Много читать. Еда в холодильнике. Когда закончится, позвони по номеру на холодильнике — привезут что надо. А будешь настойчив - что захочешь. Либо развиваешься, либо возвращаешься жарить картошку и фальшивое мясо. Третьего не дано. Используй скорочтение. Не вникай в смысл. Просто пропускай тексты через себя.

Он уехал быстро, как будто спешил. Я остался один. После того, как звук мотора затих вдали и ворота закрылись, тишина снова заполнила дом. Я открыл окно — к тишине прибавилось пение птиц. За окном была прекрасная погода. Совершенно отличная от вчерашней. Я вернулся к книгам которые мне привезли.

Книги были пронумерованы белым маркером: один, два, пять, десять. Некоторые названия я узнавал — антиутопии, психоанализ, искусство манипуляции. Я взялся за первую книгу. Английский автор рассказывал, что людей легко контролировать, манипулируя понятиями и идеями. Подмена понятий и ценностей. Это было интересно. Я быстро втянулся в чтение и время моего пребывания в доме превратилось в увлекательный процесс. За первую неделю я прочитал несколько книг, открывая для себя новых авторов. Я читал, словно пытался восполнить потерянное время и упущенные возможности.

Дни шли своим чередом. Михаила все не было. Хромой мужчина по одному моему звонку приносил продукты и выносил мусор. Я готовил еду, тренировался в домашнем спортзале, читал. За эти годы я превратился в пожилого мужчину — молодым выглядело только лицо, а тело казалось чужим. Я решил исправить это.

Меня снабжали всем необходимым: молоко, сметана, сыры, мясо, крупы, соки, кофе. После физических нагрузок я принимал контрастный душ, завтракал и снова брался за книги. Пока тело отдыхало, работал мозг. Дни шли. Книги менялись: шестьдесят девятая, восьмидесятая. Я думал о том, кто решает, какие книги я должен читать, и зачем. Но с каждым днем в моей голове формировался ответ. Мои мысли стали глубже, а одиночество перестало давить.

На двадцать первый день приехал Вад.

— Ну как?

— Хорошо. За эти недели я узнал больше, чем за всю свою жизнь возможно. Хотя я и сам читал много книг. У меня был учитель, Александр Арнольдович. Он с большим энтузиазмом

рассказывал про разные места, подсовывал мне разные книги. Даже странно, как он настаивал на этом. Удивительный был дядька.

— Да, странных людей к сожалению хватает. Будем считать что тебе повезло с наставником. На какой ты книге сейчас?

— На семидесятой. К вечеру дочитаю и ее. Осталось десять. Когда новая партия?

— Нельзя за месяц поглотить сотню книг такого уровня и остаться в адеквате. Если бы ты читал Коэльо или Ремарка, то просто огорчился бы каждый раз, когда умирает девушка. Почему он их постоянно убивает?

— Может, оплакивает потерянную любовь.

Вад замолчал, уставившись в стену.

— Тебе не интересно, зачем ты здесь?

— Конечно интересно. Я много об этом думал. Вы с Михаилом — умные люди. У него огромный дом, охрана, автомобили. От вас веет уверенностью. Вам можно доверять я думаю.

— Доверять? Ты сидишь как птица в золотой клетке. И говоришь о доверии. Тебе никто не запрещает выходить. Все это не просто так происходит. Даже солнце не всходит просто так. Мир не случаен.

— Это факт, Вад. Но я пока спокоен. Будь что будет.

Он рассказал, что через неделю обучение завершится. Михаил приедет с рассветом и объяснит, что делать дальше.

— Назовем это постановкой пьесы. Где ты получил главную роль.

— Люблю актерство. Играл в школьных постановках.

— Знаю, Сэм. Ты неплох.

Вад уехал. Я спустился на кухню, достал "Оливье". Разговор с ним меня вдохновил. Особенно его комплимент насчет актерской игры. Где он мог меня видеть? В тот день в кофейне я видел его действительно впервые. Все это было странно, но я решил не ломать голову и читать между строк. Просто наслаждался настоящим. Просто плыть по течению.

ИННОВАЦИИ

Спустя еще два дня, когда я занимался в спортзале, я услышал, как в дом кто-то вошёл. Никакого звука подъезжающего автомобиля. Просто открылась массивная входная дверь. Послышались шаги. И по небольшому промежутку между шагами я сделал вывод: это была девушка. Ну, или ребенок. Но в доме я не видел детских вещей. Соответственно, это была девушка.

Я сидел на скамье для жима с полотенцем, накинутым на плечо, когда в комнату вошла она. Хоть она уже была коротко подстрижена и в солнечных темных очках, я все равно узнал ее. Это была сестра Вада.

— Приветствую, — проговорил я с небольшой выдержанной паузой.

— Ну, здравствуй. Сэм, да? Теперь ты тут живешь?

— Ну, меня привезли сюда около месяца назад. Дали небольшое задание и уехали. Стало быть, да. Я тут теперь живу. Пока живу. — Я путался. Хоть и старался держаться уверенно, но будто сбивался с мыслей.

— Вад, наверное, приезжал, да?

— Буквально на днях. Мое имя ты знаешь. А твое до сих пор остается в тени.

— Анжела. Никакого секрета тут нет.

— Приятно.

— И мне. Только я тут не за разговорами. Михаил просил меня передать тебе это. И просьбу - не звони с него пока никому. Только принимай звонки. И с личного тоже пока звонить не надо. Он так сказал. Велел передать, чтобы ты сказал маме, что у тебя все хорошо. Старайся меньше контактировать с людьми из прошлой жизни.

С этими словами она протянула мне черную коробку. Что мне сразу бросилось в глаза, так это то, что на коробке совершенно ничего не было написано. Никаких тебе китайских иероглифов, картинок, брендов. Просто черный, матовый, картонный гробик. Я зажал его в руке и посмотрел ей в глаза. Они были серые. Нос был маленький, тонкие губы, идеальный подбородок. Ростом Анжела была небольшого — наверное, сантиметров под сто шестьдесят пять. А может, чуть выше. Все зависело от обуви, на которую я совсем не обратил внимания.

— Я, наверное, желаю терпения. Тебе предстоит длинный путь. И надеюсь, хотя бы тебе удастся его пройти. Пока.

С этими словами она не спеша зашагала к выходу.

— Анжела. Стой. — Она остановилась и повернула голову.

— Все же будет хорошо, да?

— У меня, возможно. А насчет тебя — не знаю.

Этот ответ меня, конечно, не удовлетворил. Но я не стал надоедать своими вопросами. Если ей надо уйти, то пусть уходит. Взглянув в окно, я наконец решил немного прогуляться по лужайке. Взял с собой свой новый телефон, сходил в душ, переоделся и спустился к выходу. На улице пели птицы. Прямо у входа росли несколько густых деревьев, а по периметру забора — аккуратно подстриженный кустарник с карликовыми елями. В пруду плавали утки. Они каждое утро откуда-то прилетали.

Я сел на металлическую скамью с деревянными вставками и достал телефон из черной коробки.

Телефон меня удивил. Это как увидеть первый айфон в нулевых, когда у всех еще кнопочные телефоны. Но тут было совершенно иначе. У этого телефона кнопок не было вообще — ни на торцах, ни спереди, ни сзади. Совершенно непонятное устройство. Только сзади, если приглядеться, была одна большая камера. Снизу никаких отверстий для зарядки, ни отверстия для микрофона. Совсем ничего. Как же его включить? Вопрос, конечно, хороший. Я старался тыкать пальцами в дисплей — спереди, сзади. Всего заляпал своими отпечатками. Но он не включился. И только когда я зажал его в руке, он завибрировал, и дисплей ожил. Он что, реагирует на тепло? По крайней мере, было на то похоже. На темном экране загорелся символ бесконечности. Он был очень ярким. Потом запустился главный экран. Никакого меню тут не было. Просто обои главного экрана.

Я пробовал и вызывать Сири, и шептать: «О, Кей, Гугл». Но никакой реакции. Я приложил его к уху — включился экран с набором номера. Я уже потихоньку начал понимать логику этого устройства. Чтобы убедиться в своей правоте, я повернул телефон горизонтально, держа прямо перед собой. Запустилась камера. Я сначала почувствовал, как сработала фокусировка, потом запустилось и само приложение. Меня поразило качество картинка. Я, конечно, всякого повидал. И изучая фотографию в свое время, держал в руках камеры разного уровня. Но то, что выдавала камера этого устройства, — это был какой-то новый уровень. Но как управлять этим приложением? Ведь нет никакой лупы для зума на дисплее. Нет нарисованной кнопки

затвора. Я попробовал вытянуть руки вперед. И вот оно! Приложение зуммировало картинку. Притянул телефон к себе — камера отдалила изображение. Сделал так несколько раз. Все работало четко и без тормозов. Потом я повернул аппарат вертикально, как пользовался бы обычным телефоном. Камера свернулась. Открылся все тот же главный, темный экран. Эдакое черное зеркало.

Я продолжил его тестить. Повернул горизонтально, немного под углом, будто набираю текст. И чудо — действительно открылось окно набора текста. Аппарат будто бы понимал меня. Все было инстинктивно понятно и логично. Хочешь камеру — делай так. Хочешь звонить — приложи к уху. Тут разобрался бы даже ребенок, который способен просто держать телефон в руке. Ничего подобного я ранее не видел. Какое-то шпионское устройство. А еще он был плотный и увесистый. Сделан то ли из стекла, то ли из металла. Сложно было понять. Создатели такого устройства могли бы зарабатывать на нем миллионы долларов. После него у меня не возникало желания держать в руке свой айфон. Он будто бы телефон моей бабушки после того, чем я только что попользовался.

Далее я продолжил изучать комплектацию. Под самим телефоном, оказывается, лежало зарядное устройство. Это был самый обычный блок. Только без всяких отверстий для подключения USB. Если учитывать, как работает сам телефон и логику его работы, то было вполне логично, что он заряжается по воздуху. Но это было чистым безумием, потому что человечество еще не научилось заряжать телефоны без проводов совсем. Но, по всей видимости, уже научилось. И не все человечество, а какая-то конкретная его часть. И всё-таки я не могу в это поверить. К телефону не надо ничего присоединять, ничего подключать. Он заряжается так просто по воздуху. Это же гениально.

С этими мыслями я быстро забежал в дом. Быстро поднялся по лестнице в свою комнату. Быстро отсоединил из розетки свое зарядное устройство от моего айфона и подключил блок моего нового телефона. Нет, но это было чистое безумие. На дисплее телефона загорелась индикация зарядки. Тот, кто создавал этот телефон, был больше чем просто человеком. Он научился передавать электромагнитные волны по воздуху, тем самым заряжая телефон. Я попробовал отойти на несколько шагов. Но индикация зарядки продолжалась. Ничего подобного я никогда до этого не видел. Тот, кто это придумал, он просто гений. Никак иначе. Гений, в чистом виде.

После изучения телефона я позвонил маме. Сказал, что всё хорошо, меня повысили до старшего менеджера. Она обрадовалась, предложила приехать на чай с тортиком. Я вежливо отказался, сославшись на загруженность на работе. Обещал навестить её как-нибудь позже.

Затем проверил пропущенные звонки. Десяток от коллег, включая Виктора, которого я уже даже перестал ненавидеть. Он был жертвой обстоятельств, как и я. Мы не смогли победить эту жизнь, хотя знали правила. Но эти правила были для большинства — их всегда можно нарушать или переписывать.

Я вернулся к книгам. За неделю они стали моими друзьями. Последние тома были по медицине: анатомия, реанимация, операции. Я лучше понял себя — биологию, психологию, мышление.

Через неделю рано утром я услышал звуки подъезжающих машин. Внизу стояла группа людей. Впереди был Михаил с улыбкой, рядом Вад и трое незнакомцев.

— Приветствую хозяина дома, — сказал Михаил, слегка аплодируя.

— Надеюсь, ты провёл время с пользой?

— Конечно, — ответил я.

Мы поднялись наверх. Михаил сел на кровать, указав мне на стул.

— В жизни каждого мужчины наступает момент выбора. Ты его сделал. Ты не пытался выбираться из дома, не расспрашивал соседей, не доставал Вада. Это многое говорит о тебе. Ты умеешь хранить секреты, быть верным, умён и хладнокровен. Твой отец был таким же.

Он помолчал, почесывая бороду.

— Мы — старый клан мыслителей. Работаем не один десяток лет. Пытаемся создать порядок в мире. Утопию - если это слово как-то уместно в этом контексте. Да, это безумие. Но нам нужен человек наверху. Умный, расчётливый, с мягким сердцем, но способный защищать свои и главное - наши интересы. И мне кажется, это действительно человек как никто похожий на тебя.

— Защищать? Я должен убивать?

— Нет. Нам не нужен убийца. Защитник — да. У нас много врагов, но мы умнее их. Умом можно победить даже самых сильных. Никакого оружия. Слова вместо выстрелов. Хитрые и взрослые ходы вместо ударов.

— Звучит убедительно.

— Это только слова. На деле ты сам увидишь, кто мы такие. А сейчас у меня для тебя подарок.

— Ещё один?

— Тебе понравился телефон. Его делает наш отдел “Инстинкт”. Сейчас познакомлю тебя с остальными продуктами. Пойдём.

Мы спустились вниз. Михаил достал из кармана маленькую чёрную коробочку.

— Сэм, вытяни руку. Это важный момент.

Он надел на меня часы. На циферблате загорелась буква “Г”.

— Это тоже из серии “Инстинкт”. Начни пользоваться ими. Хотя по сути это не просто часы. Это твой личный идентификатор, ключ к нашей линейке устройств. Ты теперь полноценный участник нашей семьи.

На дисплее появился отпечаток пальца. Я приложил большой палец. Часы завибрировали: “Устройство настроено”.

— Спасибо за подарок. Это очень ценно для меня, — сказал я. Мне никогда ничего подобного не дарил.

Михаил улыбнулся и похлопал меня по плечу.

— Это не подарок. Точнее, я вывел нас всех сюда не для этого. Я хотел подарить тебе не этот скромный девайс. А вот этот автомобиль. Если его вообще можно так назвать. Это прямо-таки космический корабль. А ты — теперь его пилот.

— Она моя? Эта машина? Но как же так? У меня даже прав нет.

— Но ты неплохо умеешь ездить. Ведь так?

— Да. Умею.

— К управлению «Инстинкта В-10» нужно привыкнуть. И дело не только в его мощности. Вад останется с тобой. Попробуй покататься до вечера. Ты быстро смекнёшь, что к чему. Я признаюсь, сам к нему не долго привыкал — несколько дней. И он будто становится частью тебя. Удивительная штука. Только не забудьте прикрепить номера. Они в багажнике.

Завтра с утра приезжай к нам в штаб на ней. Покрасуешься перед девчонками. Ты стал таким взрослым.

С этими словами Михаил обнял меня. После чего сел в свой Каделак. Один из его помощников хотел открыть ему дверь, но он попросил не беспокоиться. Открыл её сам и запрыгнул на заднее сиденье. Машина резво развернулась и скрылась за воротами, которые медленно закрылись. На крыльце остались я с Вадом. Он смотрел на меня, а я — на свой подарок. Во двор вновь вернулась эта тишина.

— Не можешь поверить, да?

— Если честно, никак не получается. Хоть и очень хочется.

— Знаешь, как им пользоваться? Я ездил на Тойоте матери. Но ей десяток лет. И большого ума для её управления не требовалось. А тут... Что-то неизведанное человечеством.

— У меня был такой. Только модель постарше.

— Да? А где он сейчас? Почему едешь на Ауди?

— Его уже нет. Он сгорел. Долгая история. Да и в целом... Ты себе не представляешь, сколько внимания привлекает этот автомобиль в городе. Ты как «жук в муравейнике». А на моей шестёрке я — неприметная часть социума. Часть толпы. И не более того. Так проще жить. Если понимаешь, о чём я.

— Да. Понимаю. А как в него садиться? Как запускать? Как ездить?

— Ты знаешь, почему все эти устройства — часы, сотовые, самолёты, машины — всё это называется «Инстинкт»? Потому что в них всё инстинктивно понятно. Как и у нас. Мы пытаемся упростить жизнь людей. Поехали, покатаемся.

Я подошёл к месту, где должна быть водительская дверь. И она приоткрылась. Внутри был красный салон, чёрный потолок и чёрная панель. Руля не было. Вместо него — какой-то самолётный штурвал. Я сел на сиденье, застегнул красный четырёхконтурный ремень. Вад сел на пассажирское сиденье. Прямо передо мной загорелся дисплей. На нём ожидаемо появилась большая буква «I». Затем возникла фотография дороги, уходящей в горизонт. Над ней появились цифры, показывающие скорость. Я обхватил штурвал. Вад достал свой мобильник — такой же «Инстинкт», как и у меня, — повернул его горизонтально, улыбнулся и начал снимать моё знакомство с этим странным устройством, моим личным, первым автомобилем.

Я обхватил штурвал. Сверху на нём была кнопка с выгравированной на стекле подсвеченной знакомой буквой «I». Я неспешно нажал на неё. Ничего не произошло. Только лёгкий писк. Я отдернул руки от штурвала.

— Что дальше? Где педали акселератора?

Вад молча продолжал снимать меня. Я слегка дёрнул штурвал на себя. Автомобиль поехал назад. Я двинул штурвал вперёд — авто поехало вперёд. Повёл штурвал назад и влево, потом вперёд и вправо. Так я развернулся прямо на крыльце. Медленно подтолкнул штурвал вперёд. Мы поехали в сторону ворот. Но как их открывать? Решил, что выясню это, когда будем подъезжать. Слишком я был перегружен последними событиями. Но они сами открылись, как только мы подъехали. Я с максимальной осторожностью выехал на улицу. Завернул сразу направо. Там была прямая и длинная улица.

— Михаил говорил, что надо прикрутить номера.

— Забей ты на эти номера. Ты сейчас рулишь машиной будущего. В твоих руках такая мощь. А ты думаешь о правилах. Просто дай газу.

Над изображённой дорогой на панели быстро менялись цифры. Но я так и не услышал звука мотора.

— А почему она называется «В-10»? Это ведь электромобиль.

— Увидишь сам.

Вот так, не спеша, мы выехали на трассу, ведущую за город. Я толкнул штурвал от себя резко. Мне хотелось понять, что я должен был увидеть. Автомобиль заревел. Меня придавило к сиденью. Сиденье в свою очередь надулось по бокам, плотно сжимая меня, и выдвинулось вперед. Цифры на дисплее моргали с огромной скоростью. Это было безумие.

— Двести сколько?

— Она может и лучше. Выжимай из неё всё!

Вад смеялся. Мои ноги стали холодными и тяжелыми от страха. Я вдавил их в пол с ужасающей силой, как будто я мог оттолкнуться от пола в случае аварии и смягчить урон. Когда скорость доходила до трёхсот, я увидел вдали быстро приближающееся к нам авто, которое будто ехало нам навстречу. Хотя оно двигалось в попутном направлении с разрешённой скоростью. Мои ладони вспотели. Меня бросало в жар. Я начал медленно тянуть штурвал на себя.

Авто уверенно замедлялось. Я сбросил скорость до ста пятидесяти и обогнал Мерседес. На первом же развороте попытался развернуться. Но чуть не влетел в отбойник. Машина, потеряв контроль, резко ускорилась и как-то зацепилась за дорогу. Я, как пуля, влетел между двумя попутными машинами. Толкнув штурвал вперёд, я с ревущим мотором принялся обгонять машины. Одну за другой. Пока сзади не послышалась полицейская сирена. Я уже собирался остановиться, но Вад привёл меня в чувства своим громким голосом:

— Ты с ума сошёл? Жми на газ! Не вздумай портить веселье! Ты или с нами. Или ты слабак.

Я не хотел быть слабаком. Поэтому начал разгонять свой «Инстинкт». Наша скорость была уже в районе двухсот пятидесяти. Полицейская машина осталась далеко позади. Я немного сбросил скорость и заехал обратно в город. Там, не останавливаясь на красный свет, принялся искать дорогу домой. Но никак не мог её найти. Вад захохотал.

— Жми дважды на кнопку «I» и расслабься.

Я так и сделал. Меня ужасно тошнило от страха и шока, который я испытал. Плюс я был весь потный. На дисплее появилась зелёная стрелка, указывающая дорогу. Стрелка показала налево. Я уже хотел свернуть, но штурвал стал будто меч в легенде о Короле Артуре. Он сделал это сам.

— Автопилот?

— Да. Всё хорошо, расслабься, Сэм. Ты не оставил им и шанса. Горжусь тобой, брат.

Он впервые назвал меня братом. Это было приятно, признаюсь. Меня это успокоило. Мы заехали на знакомую улицу, затем свернули к воротам, которые открылись перед нами. Как только «В-10» подъехал к крыльцу и остановился, я нажал на кнопку на двери, расстегивающую ремни безопасности. Быстро толкнул дверь и побежал блевать на лужайку.

Вад вышел из авто и подошёл ко мне. Он похлопал меня по плечу.

— Отлично, Сэм. Вот ты и оседлал жеребца. Если бы мне сказали, что ты способен на такое ещё несколько месяцев назад, я бы с этим человеком поспорил, поверь мне. Я сначала думал, что они нас возьмут. Что ты просто не найдёшь в себе мужество уйти от этих болванов. Но ты смог. А значит, на что-то ты действительно способен, когда ситуация этого требует.

Я слышал его, но мне было не до этого. Я смотрел на рвотные массы на траве и пытался глубоко дышать, чтобы прогнать тошноту. Хоть это и было невероятно сложно.

— Я просто пытался выжить, Вад. Пытался выжить.

— И ты выжил. Мне понравилось то, что я увидел. И надеюсь, ты тоже остался доволен.

Я сел на траву и начал собираться с мыслями. Пытался оценить обстановку и понять, где я не туда свернул. Почему в моей жизни произошёл такой резкий динамический перепад от абсолютного минуса к жёсткому плюсу. Кто-то мог бы сказать, что мне повезло. Мне подарили смартфон из будущего, машину из будущего. По идее, я должен был прыгать от радости и благодарить Бога за такой жест. Только я не понимал до конца, нужно ли мне всё это. Не примерил ли я на себя чужую шкуру?

Я молча встал, растерянным голосом объявил, что мне надо в душ. Вад со мной попрощался, завёл свой Ауди и куда-то спешно уехал. Как всегда куда-то спешит. Я пошёл в дом. Перед тем как войти в душ, зазвенел мой новый смартфон. Это была Эльвира. Приложив телефон к уху, я услышал её волнительный голос. Она спрашивала, дома ли я и один ли нахожусь. Я подтвердил. После чего она быстро сбросила звонок. Не успел я переодеться после душа, как у двери появилась Эльвира. В руках у неё была добрая кипа каких-то документов. Она посмотрела на меня и глазами позвала на кухню. Я быстро спустился по лестнице и последовал за ней.

— Кофе?

— Нет, спасибо. А ты налей себе, если хочешь. Мне сейчас совершенно не до кофе.

Я не спеша налил себе крепкий кофе и сделал глубокий глоток. Эльвира была полна серьёзности. Будто бы она собиралась сообщить мне о чьей-то кончине. Было странно видеть её такой. Обычно она такая лёгкая и непринуждённая. А тут сидит, будто завтра конец света.

— Я пришла сюда, чтобы сказать тебе, что ты уже не можешь передумать. Сказать Михаилу «нет» и просто развернуться. Но ты можешь сделать всё иначе.

— А кто сказал, что я хочу разворачиваться и уходить? Меня всё устраивает. И хоть я не совсем понимаю, во что я ввязался, но я полон решимости.

— Да ты не то что не совсем не понимаешь. Ты не понимаешь совсем ничего. Просто ноль из десяти. Тебе может казаться, что ты попал в сказку. Но это не так. Сказки обычно заканчиваются хорошо. А твой путь — он обречён. Это конец. А то, что сейчас происходит, — это начало конца.

— Ты вроде и говоришь понятно и чётко. Но ты, пожалуй, расскажи мне другое. Что у вас за организация? И на что я подписался? Что меня ждёт? Какое оно, это начало конца?

— Странно, что ты спросил меня или кого бы то ни было ещё об этом только сейчас. Но имеем то, что имеем. Слушай меня внимательно.

Эльвира выдержала недолгую паузу. Я сделал глоток кофе. Организм будто просыпался от сна.

— Завтра ты поедешь к нам в штаб-квартиру. Там тебе расскажут то, что ты должен сделать, и какие огромные у тебя перспективы. Только всё это пыль. Они попытаются дать тебе надежду, вселить её в тебя. Но ты не будь наивным. Слушай всё, что тебе говорят, но не отключай свой мозг. Да что там, можешь не верить ни единому слову Михаила и компании. Кроме Вада. Он хороший человек. Хоть и такой же безумец, как Михаил со своей свитой. Он может умалчивать. Но врать не станет. Он никогда не врёт. Такой человек. Так что ты задавай ему вопросы. Всё, что тебя интересует.

— А что на твой счёт?

— Я ничем тебе не могу помочь. Быть может, чуть раньше. Но сейчас могу лишь предупредить. Не обольщайся. Не воспринимай всё, что видишь, так, будто это что-то должное. Это не твоё. Ты не такой испорченный, как они. Я это вижу. Отчётливо и чётко вижу.

— А может, я ещё хуже их? Что, если я намного хуже?

— Возможно, я тебя и не знаю. Но я просто хотела отогнать от тебя розовые облака.

— Эльвира, не*+От никаких розовых облаков. Всё будет хорошо. У меня уж точно.

Она опустила голову, сделала утомленный выдох и, не попрощавшись, просто встала и пошла к выходу. Я пошёл з+а ней. Она кратко остановилась у выхода, развернулась и посмотрела мне прямо в глаза.

— Будь осторожней, Сэм. Это страшные люди. Хоть с первого взгляда эта компания и привлекает внимание и гипнотизирует.

Мне нечего было сказать. И я просто неловко кивнул в ответ.

— Пока, Эльвира. Спасибо тебе.

Дверь за ней захлопнулась. Она ушла. В доме повисла тишина. Я поднялся наверх и взялся за чтение. После — поужинал и уснул прямо в холле у лестницы с пустой очередной чашкой кофе. Просто откинулся на спинку большого кресла и, сделав глубокий вдох, уснул.

НОВЫЙ ОРГАНОН

На следующий день я проснулся от ощущения прохлады в помещении. Не то чтобы я замёрз, но мне стало крайне некомфортно. Это был какой-то внутренний холод — страх перед неизвестностью. Я пошёл в ванную, принял душ, оделся. Большие часы в холле показывали половину седьмого утра. Я полез в шкаф и достал тёмный классический костюм. Надел его, поверх накинул серое пальто и обулся в чёрные ботинки. К семи часам приехал Михаил со своей свитой. Как обычно, он приветливо улыбнулся, едва переступив порог дома.

— Ты выглядишь потрясающе, мой мальчик. Как настоящий мужчина. Как я когда-то в твои годы.

Он обнял меня, а затем, немного отстранившись, достал из кармана какую-то чёрную коробочку. Я подумал, что внутри скрывается очередной уникальный гаджет. Например, пистолет, который стреляет только в руках своего хозяина. Именно этого я и ждал. Аккуратно, почти с трепетом взял протянутую коробочку. Раскрыл её. Внутри оказался галстук кроваво-красного цвета — такой же, какой был на самом Михаиле. Яркий, строгий, манящий.

— Нравится, мой мальчик? Изготовлен специально для тебя. Уникальная вещица.

— Но это же просто галстук, так? — поинтересовался я.

— Нет, это не просто галстук красного цвета, как могло бы показаться тому, кто не знает нас и наш орден. То, чем мы занимаемся и к чему стремимся... На вид да, это обычный галстук из шёлка с добавлением хлопка. В нём ничего уникального. Но он как вишенка на торте. Он символизирует цвет крови, цвет жизни и смерти. Всё начинается с крови и заканчивается пролитой кровью. Жизнь — это борьба. И всё добывается в борьбе.

— В борьбе за власть, правду, влияние. И просто за возможность делать этот мир лучше.

С этими словами он взял галстук из коробочки и помог мне надеть его, завязав какой-то узел так, что галстук медленно затянулся у меня на шее.

— Эх, сынок. Выглядишь как один из нас. Ты теперь наша семья. Кровь от крови. Теперь всё у нас будет замечательно. И многое теперь в твоих руках. Поехали же с нами. Я покажу тебе, с кем и с чем тебе придётся столкнуться и работать. А ты не спеши, вникай во все детали. Старайся ни на что не отвлекаться. Будь предельно сфокусирован всё время.

Мы сели в его огромный «Каделак». Он представлял собой нечто среднее между танком и автомобилем. Иначе и не опишешь. Грузная дверь распахнулась перед нами. В салоне всё было переделано. У задней двери стояли два кремовых трона. Перед ними висел большой дисплей. Посередине, между этими огромными креслами, находился что-то вроде холодильника. Окна были закрыты занавесками. Я сел в дальнее кресло. Михаил сел рядом. Дверь за нами глухо закрылась. Сначала Михаил молчал. Потом он посмотрел на меня и кивнул.

— Не верь никому в этом мире, мой мальчик. Даже мне не верь. Особенно мне. Чаще всего предадут те, кто рядом. Правда жизни, которую я долгое время старался отрицать.

Я не совсем понимал, что он имел в виду. Но в его словах была абсолютная правда. Однако что именно скрывалось за этими словами, я не знал. Точнее, не совсем мог вникнуть.

Через тридцать минут наш четырёхколёсный корабль остановился. Дверь нам открыл один из охранников Михаила. Мы стояли у большого серого здания, оформленного в современном стиле с готическими элементами. Большие тонированные окна невероятно притягивали своим секретом: что за ними скрыто? Что там происходит? Кто там работает? Наверняка прохожие часто задавались этим вопросом. Эти окна вызывали слишком много интереса.

Мы с Михаилом поднялись по лестнице и вошли в холл здания. Прошлись по этажам. Внизу располагались офисы разработчиков, как он объяснил. Именно они придумывали все эти устройства: суперсмартфоны, часы, автомобили, грузовики, винтовки. Они даже продемонстрировали парочку новых устройств, назвав их революционными концептами. Работники сидели за простыми, кремовыми столами с ноутбуками вместо больших компьютеров, какие обычно можно увидеть в стандартных офисах. Многие из них предсказуемо носили очки. Эдакий образ подростков-ботанов. Думаю, редкому разработчику на этаже было больше двадцати пяти лет. Все были одеты просто: какие-то старые футболки с принтами, джинсы, совершенно идиотские свитера. Всё было довольно банально и обыденно.

Выше был этаж пиарщиков. По словам Михаила, они занимались репутацией компании. Эти ребята уже выглядели как стандартные офисные работники. Те же ноутбуки, черные матовые столы. Парни были одеты в классические рубашки с брюками. Девушки тоже выглядели

весьма парадно, словно секретарши из сериалов. Кто-то громко говорил по телефону, кто-то стучал по клавишам.

На третьем этаже находился «отдел стратегии». Он состоял из шести человек, которые сидели за круглым столом и совещались. На доске позади самого старшего из них были нарисованы какие-то стратегические схемы: полосы, буквы, стрелочки. Они решали, что сейчас важно для компании, какие шаги нужно предпринять, чтобы достичь тех или иных целей. Михаил представил меня всем.

— Когда-то в этом кабинете сидели Вад и Эльвира, — отметил он. — Но они решили «уйти в поля». Для них, видимо, так даже лучше.

— Они наши лучшие агенты-разведчики. Точнее, одни из лучших. Если надо кого-нибудь вписать в семью, переманить, заставить молчать — лучше них этого никто не сделает. Совершенные работники.

После этого мы поднялись ещё выше. В коридоре было несколько дверей. В одну из них вошли мы с Михаилом. Это был довольно большой кабинет с панорамными окнами, из которых открывался вид на город. Большая труба выпускала белый дым, дороги, машины, люди. Вид завораживал. За огромным дубовым столом сел сам Михаил, указав мне на кресло напротив себя. На столе не было никаких компьютеров — только стопки бумаг. На фоне играла какая-то музыка или чья-то речь. Звучало всё вместе довольно приятно. Над столом висели олени рога. А на стене справа висело стрелковое оружие: десяток винтовок, пистолетов, мечей. Особенно мне понравился огромный самурайский меч с тёмно-красной рукояткой.

Слушая всё это и наблюдая за работниками, я только в конце нашей экскурсии понял, какая строгая атмосфера царила в здании. Всё было как в казино: никаких часов, окна тонированные, всё залито искусственным светом. Как только я закончил осматривать кабинет, сразу спросил об этом Михаила. Он, как обычно, ответил сначала улыбкой.

— Знаешь ли, мой мальчик, ты очень наблюдательный молодой человек. Ответ на твой вопрос до безумия прост. Времена года и части суток непосредственно влияют на настроение человека. Если человек в начале дня активен и продуктивен, то к обеду он начинает готовиться к вечеру, признавать усталость. А это влияет на его производительность и эффективность. Признаться честно, я запускаю много чистого кислорода в вентиляцию. От этого работники становятся счастливее. Они будто делают работу от самой души, стараются как могут. Им кажется, что жизнь прекрасна. А вместе с ними и их работа. Они созданы для неё. Мир состоит из единиц и нулей. Если в компьютерном мире эта фраза несёт довольно чёткое значение, то в реальном мире она немного абстрактна. Есть единицы — те, кто меняет этот мир. А есть нули — те, кто просто живёт, чтобы жить. Как бы это ни звучало, для них это зарплата в конце месяца, которая помогает дожить до следующей. Эта еда, которой они себя вознаграждают. Белки в колесе, мой мальчик. Простые грызуны. Но тем не менее, все не могут быть единицами. Без них нули не преумножают их значимости. А без нулей мы просто единицы. Мир — прекрасное место. Но если потерять контроль над людьми, он превратится в развороченный улей. Ты должен постоянно держать руку на пульсе. Всегда быть в курсе.

— В курсе? В курсе чего?

— Да всего. Что сейчас происходит в городе, мире. Кто рядом с тобой. Что он говорит, пока тебя нет. Любят ли тебя люди или ненавидят. Хотя к любви я отношусь довольно скептически. Ведь что есть любовь? Отражение нашей души, вылитой в искренность? Или же просто нужда в человеческом тепле? Я никогда не понимал, что же на самом деле значит это слово. Не знаю, хорошо ли это. Или, наоборот, я настолько черствый и замкнутый.

— А у вас есть дети? Может, семья?

— Семья? Сэм, вы моя семья. Каждый, кто присутствует в этом здании, для меня как собственный сын или дочь. Я знаю, как и кто живёт, какие у кого проблемы. Знаю про них

абсолютно всё. И стараюсь заботиться о них. А они, в свою очередь, заботятся о том, чтобы моя идея жила. Это и есть взаимная забота. Что-то настоящее.

— Я про настоящую семью. Про собственного биологического ребёнка. Про жену, бабушку.

— Я понял, о чём ты. Да, у меня когда-то была семья. Но сейчас моя семья — это вы. Вот что на самом деле важно. Что мы есть друг у друга. Как один целый организм.

Михаил встал, посмотрел на оружие, висящее на стене, и зашагал в её сторону. Со стены он снял небольшую, компактную американскую винтовку. Она была оснащена всем, чем только можно: голографическим прицелом, глушителем, дополнительной ручкой, увеличенным магазином. Михаил протянул её мне.

— Ты когда-нибудь стрелял из огнестрела?

— Нет, на самом деле никогда не приходилось. В «Макдональдсе» я решал свои проблемы мирно. Да и в повседневной жизни стрелять в кого-то... В этом просто не было никакой необходимости.

Михаил молча улыбнулся. Я приложил приклад к плечу, посмотрел в прицел. Винтовка сидела в руках просто идеально. У меня реально появилось желание пострелять.

— На днях отведу тебя в наш тир. Почувствуешь отдачу, поймёшь, что такое оружие. Порой это лучший способ переубедить человека. Когда слова уже не помогают, в дело вступает пуля. И нет ничего эффективнее вовремя и точно выпущенной пули. Это я тоже, к сожалению, поздно осознал. Потратил уйму лет на решение некоторых проблем. Хотя решение было таким простым. Одно нажатие на курок. Одно маленькое мгновение.

Далее он провёл меня в соседний кабинет. Он был порядком меньше. Всё в нём было залито светом — такой же светлый, как и у Михаила. На столе стоял крупный ноутбук, коллекция ручек лежала рядом. В уголке стояла вешалка. Ничего кричащего, как некоторые детали в кабинете у Михаила. Просто, разумно и скромно.

— Теперь тут ты будешь отныне сидеть. Это теперь твой дом. Ты будешь тут принимать решения, творить и просто наслаждаться своими днями. Жизнь не такая длинная штука, как может казаться. И всё же научись ценить эти моменты. Это совершенно потрясающее место, мой мальчик.

А пока можешь оглядеться. У меня рабочая поездка, к большому сожалению. Безумие, а не жизнь. Как белка в колесе: туда, сюда.

С этими словами Михаил вышел, оставив меня стоять в центре моего нового кабинета. Я ещё раз осмотрелся. Сел за стол. Взял в руки первую попавшуюся ручку. Это была винтажная капельная ручка. Такие обычно окунают в чернила и пишут предложение целиком, а потом снова окунают. Как перо у писателей-классиков. Рядом лежала и капиллярная ручка. Они, насколько мне известно, прекрасно подходят для академического рисунка. С ними почерк выходит таким красивым и утончённым. Если изучаешь каллиграфию — весьма хорошая находка. Очень полезная и занятная вещь.

На стене висели небольшие часы. И от тишины, которая успокаивала и убаюкивала, я чуть не пропустил их тиканье. Оно прекрасно дополняло эту строгую тишину.

Я встал из-за стола и решил прогуляться. Спустился на первый этаж, оглядел обеспокоенные взгляды разработчиков. Они были похожи на невольных трудяг: такие усталые и чем-то озабоченные. Некоторые, встречаясь со мной взглядами, будто от страха отворачивались и продолжали работать.

Я пошёл вдоль по улице. Весь этот расклад был для меня совсем непонятным. Далёким и странным. Но я продолжал делать вид, что для меня это важно. А может, и действительно важно. Точного ответа у меня пока не было.

Я шёл по людной улице, смотрел на лица людей. Каждый из них чем-то обеспокоен. Каждый хочет места под солнцем или какой-нибудь не пыльный уголок. Мне казалось, что я как-

то связан с каждым из этих людей. Абсолютно со всеми. С каждым из людей меня связывала невидимая нить. Я был частью этого города. Дождливый, мрачный города, которому я был обязан своим становлением. Ведь если бы получилось так, что я вырос в другом городке, я мог бы быть хорошим собеседником, отличным парнем, с которым не соскучишься.

Я достал из кармана брюк свой новый смартфон и приложил его к уху.

— Вад, — четко произнёс я.

Послышались короткие гудки.

— Чего тебе с утра?

— Так получилось, что ты мой единственный друг сейчас.

— Я в этом не виноват.

— Ты не выспался?

— Лёг два часа назад, если по правде.

— Будешь спать или найдёшь в себе силы встать?

— С твоего позволения, уже, пожалуй, встану. Посплю позже. Ты где?

— У офиса. На Ломоносова.

— Без машины?

— Без. Я приехал с Михаилом.

— Буду, наверное, через полчаса.

— Подожду.

В трубке повисла тишина. Я продолжил бессмысленно шагать, смотрел на те же дома и людей. Пытался лучше прочувствовать ситуацию, в которой оказался.

С одной стороны — всё было просто шикарно. Теперь у меня есть приличная работа. Огромный дом, который я бы не смог себе позволить и за две жизни. И друг, который, вроде бы, и уважает меня. Но немного сторонится. Тем не менее, он мне всё равно нравился.

Но с другой стороны, я примкнул к чему-то новому и неизведанному. В этой истории должен быть подвох. Не бывает такого, что тебе дают много денег, даруют новую жизнь. И при всём при этом от тебя ничего не хотят.

Думая об этом, я не сразу заметил чёрный минивэн позади себя. Это был классический шпионский автомобиль: на крыше торчали антенны, глушилки сигнала. Я немного повернул голову назад, но сделал вид, что ничего не происходит. И я его просто не вижу. По крайней мере глазами с сидящим за рулём встречаться я не хотел.

Я просто ждал, тянул время, как только мог. Заходил в магазинчики у дороги, делал вид, что мне кто-то звонит. Доставал телефон и опять клал его в карман. Я ждал, пока подъедет Вад. Он бы уж точно смог от них оторваться. Но чем дольше я его ждал, тем меньше на него надеялся.

Вдруг я услышал, как дверь минивэна открылась. Я не стал оборачиваться. Меня догнал парень в сером деловом костюме. Он просто сравнялся со мной и молча продолжал идти. Ситуация накалялась.

Он спросил:

— Оружие с собой носишь?

— Нет. Оружия нет. Вы кто?

— Это не имеет значения. Не смотри на меня. Мы просто идём рядом.

— Я спокоен.

— Отлично. Всё хорошо. Сейчас к нам подъедет наш друг. И мы медленно сядем в машину. Не суетись и не бойся. Мы просто зададим тебе пару вопросов. Хорошо?

— Да. Хорошо.

Машина начала медленно подъезжать к тротуару. Мы всё шли. Когда машина была уже совсем близко, парень в костюме медленно, но уверенно схватил меня за локоть. Дверь минивэна распахнулась. Внутри сидел здоровый чёрный парень. На лице у него виднелись следы

ожогов. Позади него светились мониторы. Мы встретились глазами. В его взгляде я отчётливо видел злость. Какую-то неведомую ярость.

Когда я уже вот-вот оказался бы в руках моих новых знакомых, я оттолкнул парня в сером костюме и начал бежать. И я бежал как сумасшедший. Как безумная антилопа, пытающаяся сбросить с хвоста свирепого гепарда.

Я смотрел на людей вокруг. Мне хотелось кричать о помощи. Но не настолько я идиот. Это бы всё равно ничего не дало. Мне просто надо было исчезнуть в городе, раствориться. Но дышать становилось всё тяжелее. Я бежал из последних сил. Парень в костюме и не думал останавливаться. Плюс ко всему я заметил минивэн, который, как оказалось, с самого начала ехал за мной. Чтобы оторваться хотя бы от него, я свернул в какой-то двор. Въезд в него был закрыт шлагбаумом, и свистя шинами минивэн остановился.

Я обернулся назад. Парень в костюме продолжал бежать. А я уже почти не мог бежать. Но продолжал это делать, сильно хрипя и задыхаясь. В груди сильно кололо. Лёгкие будто сжимались, но не разжимались полностью. Они будто уменьшились до размера почек.

Так и петлял я между домами, пока не оказался в тупике. Перепрыгивать было бессмысленно: стены были слишком высоки. Позади шаги становились всё медленнее. Я дрожал от страха. А услышанный в следующее мгновение щелчок взведенного курка и вовсе меня обездвигил.

— Бежать больше некуда. Надо было оставаться послушным. И всё бы прошло тихо. Но ты так не захотел. Тебе нравятся приключения? Да?

С этими словами он со всей силы ударил меня в затылок чем-то твёрдым. Я упал на колени. В глазах потемнело. Я пытался понять, что происходит. Потом ещё один удар, после которого я почти потерял сознание.

Я, падая, оперся на локти, чтобы не упасть лицом в асфальт. По затылку текло что-то тёплое, почти горячее. Потом спустилось вниз по челюсти. Я увидел капли красной липкой крови, капающие с моего подбородка, как только тьма растворилась. Одна капля, за ней вторая. Ещё несколько. Голова будто раскололась напополам. Я уже не мог ни о чём думать и попытался подготовиться к смерти как чему-то неминуемому.

Затем был ещё один удар в ту же область. Я услышал шаги и почувствовал резкий удар в лицо. После этого я окончательно потерял сознание.

И вот так с контрастом, резко я оказался в каком-то боевике, который прервал мою эйфорию и вышвырнул из сказки в суровый мир. В мир, где страдают не только люди вокруг. А конкретно ты. Зона комфорта покинула диалог.

ДЫМ БЕЗ ОГНЯ

Я очнулся через какое-то время в какой-то тёмной комнате, привязанный к тяжёлому металлическому стулу. Мои запястья были крепко привязаны к стулу — точно так же, как и ноги. Я попытался пошевелиться, но это оказалось сложнее, чем я думал. Казалось, будто я врос в этот стул. Голова ужасно болела, я пытался зацепиться хоть за маленький освещённый участок в комнате, чтобы понять, где я вообще нахожусь. Где-то капала вода. Но помимо этого была тишина. Звук падающих капель эхом проносился по комнате. Я понял, что нахожусь в довольно большом помещении — тридцать квадратов, а может, и больше.

Я попробовал крикнуть, но издал какой-то жалкий вопль. Боже, как же болела голова. Будто через неё проехал поезд. После чего опытные хирурги собрали всё назад. Ужасное чувство. Теперь я понимаю тех, кого отправляли в нокаут боксёры-тяжеловесы.

Проходили минуты, часы. Ко мне никто не приходил. Дико хотелось воды. Она капала где-то рядом, но утолить ею жажду я не мог. Это было обидно. Живот сводило от голода. Я точно просидел тут не меньше суток. А может, про меня и вовсе забыли? Я ужаснулся от мысли,

что мне предстоит вот так умереть здесь, в этом тёмном подвале, привязанным к тяжёлому стулу.

— Приехал ли тогда Вад? Ищет ли меня кто-то? — спрашивал я себя. Ответа не было. Пропасть между мной и шансами на спасение казалась огромной.

Как же мне хотелось, чтобы сейчас включился свет и я бы увидел в комнате Михаила, маму, Вада. Даже этого кретина Виктора я был бы рад видеть, если честно. Они бы сказали, что это был развод и несмешная шутка. И я бы простил их всех. Даже парня, который рассёк мне голову прикладом пистолета. Я бы пожал ему руку, сказал бы, что он не умеет бить. Он бы похлопал меня по плечу. И всё было бы как прежде.

Почему именно я сижу сейчас в этой тёмной комнате? Это результат моих ошибок? Но в чём я ошибался? Я ведь ещё ничего не сделал. Совсем ничего не успел. Я как тот самый тупой персонаж из фильма, который умирает в самом начале. А Вад, наверное, тот, кто убивает главного злодея и остаётся жить. Только сейчас я мог прочувствовать, как же холодно вокруг. Вначале я этого не заметил, охваченный паникой, мне было не до окружающей температуры. Но теперь, когда мысли немного развеялись, я стал чётко ощущать, как коченеют мои пальцы и кончики ушей. Из рта, возможно, вырывается пар, только я его не вижу.

Лучше бы я стоял сейчас за прилавком на работе, считал бы сдачу для уродливых и толстых людей без имён и фамилий. Только гость, очередной гость. Так ведь и я гость в этом мире. И вот уже кто-то пытается проводить меня. А я всё не спешу. Тяну с разговорами, отвлекаю, пытаюсь смешаться с другими гостями.

Вдруг я вздрогнул от каких-то звуков. Это кто-то вставлял ключ в железный замок. Потом скрежет и звук шагов, разлетающийся коротким эхом. Их было несколько. И они шли ко мне из-за спины. Я хотел прокричать имена: «Вад! Михаил!» — но боялся, что эти имена, возможно, секретны. И я нелепо могу выдать своих новых друзей, подставив их под удар. И я молчал.

Шаги стихли прямо у меня за спиной.

— Надеюсь, ты живой. Потому что от мёртвого тебя нам нет никакого толка. Наверное, это и так понятно.

Я молча смотрел, как из-за спины зажётся небольшой электрический фонарь, который тут же положили к моим ногам так, что моё лицо чётко выделялось.

— Итак. Важно не то, как ты тут оказался, и как тебе отсюда выбраться. Ты и так покинешь это место. Не обещаю, что будешь жив, конечно, при этом. Но важно вот что. Важно осознать, почему ты оказался в этой, признаюсь, странной ситуации. Ситуации, которую ты вроде как и вовсе не контролируешь. Но в то же время всё зависит от тебя. Что же, ты знаешь, почему ты тут, да?

— Да... вроде как, — выдал я из себя без особого желания.

Это был тот самый голос. Именно этот парень догнал меня на улице. И застывшая кровь у меня на затылке тоже была его работой. От этой мысли я разозлился и напрягся. И тут же, осознав своё положение, беспомощно выдохнул. Сейчас я был никем. Человек без имени и прошлого. И, наверное, уже без будущего. Просто источник информации. Как проклятая китайская флешка, которую потерять не жаль. Грош ей цена. А я и вовсе ничего не стою.

— Я многих странных парней повидал. И повидал многих. Кто-то был крутым программистом, кто-то обладал феноменальной памятью, были ещё ненормально умные ребята. Но ты... Ты сам знаешь, кто ты. Ты же идиот. Не самый прилежный ученик в школе, не самый красивый и приятный парень. Ты даже никогда не был работником месяца на работе. Учитывая, что у вас работают не самые смыслённые ребята, это лютей позор. Что он в тебе нашёл? Этот Михаил. Я, конечно, могу понять, может, ты просто прикидываешься дурачком. Но на деле ты, может, и крут. Окей. Возможно, это и так. Но для чего ему понадобился ты? И какие у него на тебя планы? Ты знаешь ответ на мой вопрос?

Только сейчас я повторил этот вопрос сам себе. Ведь и правда. Почему именно я? Я, конечно, считал себя каким-то особенным. Но не в самом хорошем смысле. Я скорее критикую себя, чем восхищаюсь. Откуда же я такой и на какой черт был нужен?

— Вы не поверите, но я сам не знаю ответа.

Незнакомец сел передо мной. Хотя я и не совсем чётко видел его лицо, сейчас я хотя бы мог спокойно его рассмотреть. У него был шрам на щеке, сломанный, но достаточно аккуратный нос и тонкие губы. Большие, серые глаза. И это отвратительное выражение лица. Он достал из кармана пачку сигарет и золотистую зажигалку. Молча зажёл её и глубоко затянулся.

— Представь себя на моём месте. Что бы ты сделал? У тебя есть информация, которая мне нужна. Но ты отказываешься мне помогать, делая вид, что я тупой урод. Да, я вижу твой надменный взгляд, который всё же просматривается сквозь страх. Ты боишься. Но в то же время ты меня не уважаешь. Нет, ты не обязан меня уважать, но свою жизнь-то ты ценишь? Жизнь в новом особняке, в своём большом кабинете? Своё чертово здоровье, которого я, скорее всего, тебя лишу. Я не решил. Нужно уважать такие вещи, пацан. Иначе это всё, как пришло, так тебя и покинет.

С этими словами он встал, положил ладонь мне на лоб, погладил ухо и обошёл меня несколько раз. Потом остановился сзади.

— Вот так ты уважаешь своего хозяина, да? Никому его не сдашь? Умереть за него готов?

В этот самый момент я почувствовал ужасную боль в затылке. Никогда я не ощущал такой боли. Я зажмурился изо всех сил, чтобы не подавать вида. Но крик всё же вырывался. Я старался, но не получалось. Это была сигарета, которая проникла точно в рассечение на голове и будто выжигала мне мозг. Это был короткий миг — пара секунд. Но мне показалось, что всё длилось секунд двадцать.

— Для тебя всё это игра, да? В шпиона играешь. Мне плевать. Играй сколько хочешь. Твоё право. Я не твой отец, чтобы тебя учить. Можешь молчать сколько угодно. Никакого пафоса. Только нефильТРованная жестокость, твою мать.

— Мне нечего вам рассказывать. Можете делать всё, что захотите. Я ничего не знаю. Я видел Михаила всего несколько раз за всё время. Мне придумать для вас историю, которую вы хотите услышать? Лучше убейте меня. Моя жизнь ничего не стоит.

Мой похититель молча подошёл ближе, встал напротив меня. Я видел, как он сжимает руку в кулак. Потом короткий замах — и темнота. Я не почувствовал никакой боли. Просто картинка резко исчезла. Мой нос будто вошёл в мой череп и вернулся назад. В ушах появился какой-то писк. Голова откинулась назад. Я будто куда-то падал. Пока меня кто-то не остановил и не схватил за волосы. Я увидел свет. Медленно передо мной начал появляться какой-то силуэт. Я захрипел, потому что не мог дышать какое-то время. Затем я почувствовал ещё один удар. Писк в голове продолжился. Я ощутил, как кровь из носа течёт в моё горло. Эта густая жижа вместе со слюнями так и хлестала из носа и рта. Я почувствовал горячий сгусток на подбородке и шее. Языком ощутил какой-то дискомфорт у себя во рту. Не хватало одного из передних зубов. А соседний и вовсе шатался. Вот-вот выпадет.

Постепенно передо мной опять появился этот силуэт. Я снова зажмурился, ожидая ещё один удар. Но его не последовало. Он лишь несколько раз шлёпнул меня по щеке ладонью. Она каждый раз будто клеилась к моему лицу из-за липкой крови. Я уже не мог дышать носом. Плевался кровавой жижой, чтобы дышать хотя бы ртом. Хотел испачкать ею моего палача. Но он увернулся при первой же попытке. А найти его или хотя бы повернуть голову я не мог.

— Я чувствую, тебе есть чем поделиться? Не хочешь мне рассказать про вашу стратегию? Какие у Михаила планы? Будете участвовать в выборах?

Я не понимал, о чём он говорил. У Михаила что, политическая партия какая-нибудь? Я ничего об этом не знал. Но я не то чтобы заслуживал чьего-нибудь доверия.

Потом мужчина достал небольшой хромированный пистолет. Он зарядил его и приставил прямо к моим яйцам.

— Вот это исправит положение. Или всё же нет?

Он взвёл курок. Сейчас я понял, насколько мне жарко. Хоть в помещении и было достаточно холодно.

Напряжение нарастало. Когда в ситуацию влез второй мужчина. Его голос был немного выше. Он подошёл к первому и положил руку ему на плечо.

— Дим, не надо этого. Он бы сразу всё рассказал, если бы что-то знал. Видно же, что он ещё не в курсе там всех дел. Давай отпустим его, завербуем, и он будет как миленький работать на нас. Никуда он не денется. Ну же, убери пистолет. Не против этого пацана же его использовать. Он же вот как обосрался. Отпустим его, и он для нас всё сделает.

Спустя пару мгновений первый немного выдохнул и спрятал пистолет.

— Ты прав, Серый. Наверное, ты прав. Но вот так отпустить я его не отпущу. Нужно что-то, что напоминало бы ему о нас. Чтобы каждый раз, когда он надумает послать нас к чёрту, что-нибудь ему о нас напоминало. Такой вот привет из подземелья. Ведь покинуть это место можно. Но вернуться сюда тоже не представляет никакой сложности. От нас не уйти.

Потом последовал резкий удар ногой по моему стулу. Я вместе с ним опрокинулся на пол. На моё запястье легла нога. Такая тяжёлая, будто бы машиной наехали. Каким-нибудь грузовиком. Рука хрустнула. Звук заводящегося курка. Вспышка огня. Резкий звук. Всё случилось так быстро, я не успел ничего понять. Меня просто оглушило. В ушах был шум. Я выдернул руку из-под тяжёлой ноги. Я истекал кровью. Я ждал следующего выстрела. Контрольного выстрела. Но его не последовало. Я зажмурился изо всех сил. Но слышал только тишину.

— Всё, Серый. Развяжи его. Пусть живёт дальше. Нам он пока ничем не будет полезен. Пусть идёт к чёрту.

Второй развязал мне руки. Я прижал к себе руку, которая начала ужасно болеть. После я был отстёгнут от стула. После чего получил пару ударов ногами по животу. Я хрипел от боли и ненависти. Но опять же осознавал, что беспомощнее меня в мире сейчас никого нет. Моя воля сейчас абсолютно ничего не значила. Я лежал в собственной крови. Лицо моё терлось о липкий и холодный бетонный пол. Ничего ужаснее я по правде не испытывал.

В этот момент меня интересовало только одно: что будет дальше? Буду ли я жить и увижу ли мать? В этот момент кто-то схватил меня за руку и приподнял. После чего сделал мне укол в шею. Меня начало тошнить.

Проснулся я уже в больничной палате. Я посмотрел в чрезмерно светлое окно, за которым шевелились ветки деревьев. Шёл проливной дождь. Я хотел позвать маму. Даже попробовал это сделать. Но ответа не было. Всё вокруг было белым. Я уж было подумал, что я умер. Но, попробовав приподнять руку, чтобы убедиться, что это был сон, почувствовал довольно резкую боль. Мёртвые, должно быть, боль не чувствуют. И судя по бинтам на руке и на голове, странному запаху лекарств, я лежал в больничной палате. Прямо передо мной висел телевизор, который я, если по правде, не сразу и заметил. Шли какие-то новостные сводки. Робкая девушка в зелёном пиджаке рассказывала про осадки, выпавшие в Краснодарском крае. Потом было видео с затопленными домами и интервью местных жителей. Я постарался отвлечься от всего, что случилось, и послушать чужие проблемы. В такие моменты ты будто прячешься от своих проблем, которых, очевидно, у меня было не намного меньше, чем у пострадавших от воды жителей.

Потом я опять уснул. Мне снилась мама. То, как я рос в родной деревне. Как покойная бабушка учила меня жизни. Говорила, что я пропаду в этой жизни без верного друга. Меня или подставят, или обманут. Такой несправедливой в её глазах была эта жизнь.

Потом её перебил какой-то голос.

— Его можно разбудить ведь, да?

— Будите, только не резко.

— Бабушка? Кого будить?

Бабушка всё улыбалась. Улыбалась и молчала. Потом я открыл глаза. Рядом сидел Вад. Его лицо было серьёзным. Он смотрел на меня с таким интересным выражением. Я не понимал, что у него на уме.

— Слышишь меня? Можешь понимать, что я говорю?

— Хорош, не кричи, — выдавил я еле-еле.

— Тебе здорово досталось, как видно. Но можешь считать, что тебе повезло. Они редко кого-то вот так просто отпускают. Живыми, почти здоровыми.

— Они из полиции, да?

— Нет. В полиции нас уважают. А эти не уважают никого. Даже иногда самих себя не уважают, животные. Ничего святого для них нет. Люди без принципов и правил.

— Знаешь же, где их искать, да?

— Нет. Они как свежие фрукты в дешёвых ресторанах. Где-то о них говорят, но их не видно. Но я его найду. Того, что сделал это с тобой. Такое нельзя спускать с рук. Если сегодня мы всё это спустим на тормозах, завтра они начнут наглеть и нападать вот так исподтишка.

— Вад, я ждал тебя. Но ты, видимо, приехал слишком поздно.

— Слишком поздно, да. Но ты не должен был вот так шляться по городу. Ты не юная, беззаботная студентка. Будь ответственным и пойми уже наконец, что всё серьёзно. Ты не тот мальчишка из «Макдональдса». Ты теперь важная часть важной структуры. И если ты вот так будешь относиться к себе, надолго тебя не хватит.

— Я по правде даже не знаю, что я значу. Но действительно понимаю теперь, чего я стою. У меня всё болит. Что со мной?

— С тобой? Минус четыре зуба. Нос вдребезги. Пару рёбер будут срастаться. И главное, палец. Точнее, отсутствие пальца. Привыкай, что у тебя больше нет пальца на левой руке.

Я приподнял перевязанную руку. Из-под белоснежных бинтов виднелась засохшая кровь.

— Безумие, что я его всё равно чувствую, да?

— Фантомные чувства? Интересно было бы ощутить. Но меня мои конечности устраивают.

С этими словами Вад улыбнулся и посмотрел мне в глаза. В его взгляде была усталость. Он будто всю ночь разгружал вагоны. Но его улыбка была настоящей. Особенно сейчас это казалось странным. Слишком странным.

— Моя мама... Она бы сошла с ума, если бы увидела меня в таком состоянии.

— С ней всё в порядке. Вы с ней частенько общаетесь. Хочу, чтобы ты был в курсе.

— Это же как так? Нейросети?

— Да. Мы просканировали все твои переписки: стиль общения, чувство юмора, привычки, знаки препинания. С твоей матерью общаются буквально ты. А никакой не робот. Он — ты, даже больше чем ты сейчас. Ты ведь, я уверен, уже не совсем тот парень, которого знала твоя мать.

— Безумные технологии. Никак к ним не привыкну.

— Ладно, ты ещё слаб. Полежи тут пару дней, ладно? Не надо геройствовать. За тобой присмотрит человек. Встретимся на твоей выписке. Бывай.

— Бывай, Вад. Спасибо тебе.

Я незаметно опять уснул. Мне снилось, что у меня нет руки. Но я закрывал её и всё равно ощущал всю руку целиком. Мои похитители бегали за мной с бензопилой. Они хотели моей смерти. И каждый раз они меня догоняли. Я просыпался в холодном поту, тяжело дыша.

Я ужасно хотел мести. Но в то же время понимал, что спешить не стоит. Я обязательно найду тех, кто меня покалечил. Но это всё потом. Сейчас мне нужно прийти в себя и физически

окрепнуть. То, что во мне горело, требовалось приручить и использовать в свою пользу. Только так я мог победить. Сначала себя, а потом и всех врагов.

Так что я просто лежал в больничной постели и смотрел глупые новости. Картинки перед глазами плыли бесконечно. Но мысленно я был в другом месте. Я понимал, что должен пережить всё это и извлечь урок. Так прошло три дня. Я старался хорошо есть, хотя совершенно не хотелось. На каждой перевязке я смотрел на свою руку и снова словно возвращался в тот подвал. В ту темноту, которая, я уверен, изменила меня навсегда.

И вот на четвёртый день, рано утром, приехал Вад с двумя крепкими мужчинами в тёмных очках. Он принёс мне одежду. Я сходил в туалет и переоделся. С трудом натянул футболку — это жжение в груди было невыносимым. Но я всё стерпел и сам смог одеться.

Мы спустились вниз, где меня ждал «Каделак». Почти такой же, какой был у Михаила. Но этот отличался и внешне, и изнутри. В нём всё было проще. Обычная машина класса люкс. Я сел сзади с Вадом, эти двое — впереди.

Мне не хотелось ничего говорить. Мне доставляло удовольствие просто наслаждаться этой атмосферой, этими видами знакомого города. Ведь я уже смирился с тем, что всего этого больше не увижу. А теперь вот я снова здесь. Еду куда-то. Вспоминаю, как по этим же улицам ездил тысячи раз на такси и автобусах. Оказывается, я люблю эту жизнь. Кто бы мог подумать.

Я смотрел на свой средний палец — точнее, на то, что от него осталось. Я уже практически смирился с мыслью, что у меня его нет. По крайней мере, я себя неполноценным не ощущал. И это было здорово. В этом я был уверен.

НОВЫЙ Я

Мы приехали в моё жилище. В зале с бокалом вина сидел Михаил. На нём был светлый плащ и темная шляпа. Блестящие ботинки отлично дополняли его солидность и решительность. Он привстал при виде меня и обнял. Вид у него был усталый, но он широко улыбался.

— Мой мальчик, ты в порядке? Рад видеть, что ты жив и здоров. Да и жив к тому же. Не всем в это непростое время везет так, как тебе. Ты должен это ценить. С тобой всё хорошо? Вад сказал про твой палец. Надеюсь, ты не слишком горюешь из-за него. Если хочешь, мы пришьём тебе новый. У меня есть врач в Швеции, который может зашить всё, кроме разбитого сердца.

Я слегка ухмыльнулся.

— Вот видишь, ты улыбаешься. Я рад, что ты не сломался и не пал духом. Теперь мы тебя в обиду точно не дадим. И в тот день я бы никогда не оставил тебя в офисе, если бы знал, что ты пойдешь бродить по городу. Пообещай мне, сынок. Пообещай, что больше не подставишь себя под удар. Мы все зависим от тебя. Ведь так, Вад?

— Да, несомненно зависим, — кивнул покорно Вад, натягивая на лицо сомнительную улыбку.

— Отвези его завтра в офис. И начни уже обучать. Введи в курс дела. Познакомь с нужными людьми, расскажи концепцию, поделись нашими планами. Не мне тебя учить, в общем. Парень уже давно с нами, но всё ещё не понимает, зачем он здесь. Даже пройдя через ад, он остался с нами. Его выдержке и вере можно только позавидовать. Мы с ним не прогадали. Беритесь скорее за работу. Делайте то, для чего вы рождены. А я пока уеду. Здоровье немного хромает, подлечусь немного и снова в строю, покорять вместе мир. Меня не будет в стране пару недель. Так что я на вас рассчитываю. Будьте молодцами. Мне не звонить и не писать. Удачи.

Мы с Вадом переглянулись. Михаил вышел во двор, где уже заранее подъехал его верный «Кадиллак», сверкнув фарами. Вад пошёл провожать Михаила, а я последовал за ним. Напоследок он повернулся к нам и кивнул на прощание. Как только «Кадиллак» развернулся и уехал, Вад сделался серьёзным и стёр с лица эту непонятную и даже фальшивую улыбку.

— Можно расслабиться, — сказал он тихо.

Солнце уже стояло высоко. Было слышно пение птиц. Я посмотрел сначала на Вада, потом на свою перевязанную руку. Я всё ещё ощущал свой палец. Вот он двигался вместе с

остальными. Странное чувство. К моему удивлению, во дворе стояла какая-то тёмная машина, скорее всего китайского производства. Привычного «Ауди» не было.

Вад сел в машину, приглашая меня взглядом. Я занял пассажирское место. Мне было интересно, куда мы едем, но я молчал. Вад ехал спокойно, не спешил. Было видно, как сжималась его челюсть. Район за районом мы ехали около часа, пока не выехали загород. Мы добрались до какой-то большой усадьбы, проехали немного дальше и развернулись. Вад достал из кармана джинсов сигареты и закурил. Сделал глубокую затяжку, выдохнул и опять затянулся. За этим последовала тишина. После паузы он показал пальцами в сторону усадьбы.

— Вот там. Там живет тот, кто командует всем этим зверьем. Сейчас его нет дома. Но именно оттуда он ведёт дела. Встречается со своими доверенными лицами, со своей «прислугой», если уж так угодно. И один из тех, кто схватил тебя, тут тоже бывает. На днях мы приедем сюда, и тебе придётся взглянуть ему в лицо. И ты просто скажешь мне, кто это был. Ладно? А я знаю, как с ним лучше поступить. Ты, я думаю, тоже захочешь поквитаться. Но тебе нельзя марать руки.

— Нет, Вад. Это должен сделать я. Не ты. Я.

— А кто тебе позволит? Я что, говорил по-французски сейчас?!

— Да на каком бы ты ни говорил. Не ты сидел в том подвале. Не тебе приходилось терпеть эти унижения. Наверное, легко вот так рассуждать на эту тему, когда у тебя всё хорошо?!

Вад со злостью посмотрел на меня. Я встретил его таким же взглядом.

— Хорошо, тогда просто зайди в этот дом и убей того, кто с тобой это сделал. Возьми да и убей. Я даже отдам тебе свой «Глок». Ладно? Убей его.

— Я? Как я, по-твоему, это должен сделать? Просто пойти туда и выстрелить?

— Это же так просто, да?

— Если не можешь сделать сам, не мешай тем, кто может. Просто доверься мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.